

спражэньнем» (Б. Тарашкевіч). Невялікая колькасць такіх тэрмінаў тлумачыцца тым, што тэрмінаадзінкі, якія функцыянавалі ў паслякастрычніцкі перыяд, па большай частцы не мелі выразнай семантычнай акрэсленасці і ўжываліся непаасцядоўна. Існаванне сінанімічных, варыянтных і дублетных пар у лінгвістычнай тэрміналогіі паслякастрычніцкага перыяду – з’ява станоўчая і натуральная, бо вымагае неабходнасці выбару мэтазгоднага варыянта, што з’яўляецца фактарам развіцця не толькі тэрміналогіі, але і мовы ў цэлым.

Пад мнагазначнасцю ў тэрміналогіі мы разумеем суаднесенасць аднаго тэрміна, больш чым з адным паняццем, у залежнасці ад яго ўжывання ў адной або розных сістэмах. Для мовазнаўчай тэрміналогіі паслякастрычніцкага перыяду характэрны шматлікія выпадкі тэрміналагічнай полісеміі: пункт 1) «пэўнае месца ў прасторы або на паверхні чаго-небудзь; кропка» (ТСБМ, т. 4) і 2) «ставіцца пасля кожнага закончанага сказа» (Б. Тарашкевіч); прымета 1) «адметная рыса, па якой можна пазнаць каго-небудзь, што-небудзь» (ТСБМ, т. 4) і 2) «паказваючая прымета (якасьць) речы, ці асобы» (Б. Пачобка); прыдатак 1) «тое, што з’яўляецца дадаткам да чаго-небудзь, што не мае самастойнага значэння» (ТСБМ, т. 4) і 2) «ёсць азначэнне, выказанае імённем, стаіць у тым самым склоне, як і тое слова, да якога далучаецца» (Б. Тарашкевіч); дапаўненне 1) «дадатак, дабаўка да чаго-небудзь» і 2) «дапаўняе думку, выражаную прысудам, або іншую часць сказа» (Б. Тарашкевіч). Выпадкі мнагазначнасці ў тэрміналогіі паслякастрычніцкага перыяду тлумачацца невялікай колькасцю тагачасных мовазнаўчых прац і функцыянаваннем так званых «аўтарскіх» тэрмінасістэм.

У беларускай мовазнаўчай тэрмінасістэме ўтрымліваюцца і шматлікія адзінкі, якія маюць адпаведныя амонімы ў агульналітаратурнай мове: чынік «фактар» (ТСБМ, т. 5, кн. 2) і чынік «часць мовы, азначаючая названне якойколей чыннасці» (Б. Пачобка); прыпадак «раптоўны прыступ якой-небудзь хваробы» (ТСБМ, т. 4) і прыпадак «прыпадкаў ёсць сем» (Б. Пачобка); прысуд «рашэнне, пастанова якой-небудзь арганізацыі» (ТСБМ, т. 4) і прысуд «гэта слова, выказваючае галоўную думку аб речы» (Б. Пачобка). Як вядома, аманімія з’яўляецца адным са спосабаў утварэння новых тэрмінаадзінак. Асабліва гэта характэрна для пачатковых этапаў развіцця любой тэрмінасістэмы, лінгвістычнай у тым ліку. Вялікая колькасць тэрмінаадзінак паслякастрычніцкага перыяду, якія з’яўляюцца адпаведнымі амонімамі да агульналітаратурных слоў, сведчыць аб дыялектычным працэсе фарміравання мовазнаўчай тэрмінасістэмы беларускай мовы. Адсутнасць тэрмінаадзінак, аманімічных з адпаведнымі тэрмінамі іншых тэрмінасістэм тлумачыцца тым, што на працягу 1917–1919 гг. лінгвістычная тэрміналогія, як і любая тагачасная прыватная тэрмінасістэма беларускай мовы, яшчэ не адрознівалася высокай ступенню ўпарадкаванасці і сістэмнасці.

Галоўным пры даследаванні тэрміналагічнай антаніміі даследчыкамі прызнаецца наяўнасць супрацьлегласці паняццяў, іх супрацьпастаўленасць, несумяшчальнасць, якая грунтуецца на прыродзе навуковых паняццяў, на дыхатамічнасці чалавечага мыслення (Л.А. Антанюк, В.П. Даниленка, С.Д. Шэлаў, Д.М. Шмялёў). З’явы тэрміналагічнай антаніміі можна разглядаць як арганізуючы пачатак тэрмінасістэмы, якая толькі фарміруецца. Шматлікія мовазнаўчыя тэрміны-антонімы паслякастрычніцкага перыяду часцей за ўсё абазначаюць палярныя элементы і маюць аднолькавыя родавыя адпаведнасці: *галосны і безгалосны* гаманок, *відзімыя і нявідзімыя* іменьнікі, *жывыя і няжывыя* іменьнікі, *звялічаныя і змяншальныя* іменьнікі, *доўгі і кароткі* канчар, *асноўныя і даданыя* часціны, *кароткія і развітыя* сказы і інш.

Такім чынам, лексіка-семантычны аналіз лінгвістычнай тэрміналогіі ў функцыянальным аспекце сведчыць аб тым, што працэсы сінаніміі, полісеміі, аманіміі і антаніміі з’яўляюцца заканамернымі з’явамі ў працэсе развіцця і фарміравання беларускай лінгвістычнай тэрміналогіі паслякастрычніцкага перыяду.

ЛІТАРАТУРА

1. Кобрин, Р.Ю. О формальных критериях терминологичности // Проблематика определения терминов в словарях разных типов. – Л., 1976.
2. Даниленко, В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. – М.: Наука, 1977.
3. Красней, В.П. Аб сінанімах, дублетах і варыянтах у тэрміналогіі // Веснік БДУ. Сер. 4. 1995. № 1. – С. 25 – 27.

А.С. Никончук (Минск, МГЛУ)

МЕТАФОРА-ТЕКСТ В ИДИОЛЕКТЕ Ф. ГАРСИЯ ЛОРКИ

Художественная метафора представляет собой сложное многоаспектное стилистическое явление, обладающее семантической двуплановостью, в основе которой лежит вторичное переименование.

Поэтическая метафора полиассоциативна, она может восстанавливаться из неназванных лексических элементов, сосуществовать в тексте с прямым обозначением реалии, породить парадигматические

ряды однородных метафор, метафорические цепочки с опорными и развертывающимися звеньями, распространяться на фрагменты текстов либо на целые тексты [5, с. 116 – 117]. Прямое и метафорическое обозначение могут примыкать друг к другу, находиться на расстоянии или соотноситься как название и текст.

Стихотворение-метафору определяют как «такое художественное целое, в котором метафорическая структура, охватывая все произведение целиком, получает композиционно-речевое выражение» [2, с. 204]. Некоторые исследователи считают стихотворение-метафору высшей градационной ступенью раз-вернутой метафоры. В текстах-тропах контрастирующие смысловые элементы, связанные по сходству в бинарной структуре, становятся смысловой доминантой произведения [6, с. 89 – 90].

Выводя структуру метафорических переносов, нужно учитывать метафорическое окружение, так как метафора тесно связана со своим контекстом, который должен быть достаточным для понимания тропа. Описание метафорического окружения является одним из путей изучения метафорических переносов, так как «метафора уточняет свой смысл, теряет неопределенность и может быть однозначно семантизирована только тогда, когда она входит в сеть логических импликаций и пресуппозиций какого-либо целого текста, вписывается в изображаемую ситуацию с ее связями и зависимостями» [4, с. 45].

Существует несколько подходов к пониманию метафорического контекста: с одной стороны, данный термин трактуется, как окружение метафоры, с другой – как сегмент, включающий метафору, т.е. сама метафора. Контекст метафоры в узком значении охватывает протяженность от минимальных синтаксических конструкций до целых текстов, в широком значении этот термин подразумевает определенный идиостиль либо совокупность идиостилей одного жанра или направления, и еще шире – контекст литературной эпохи, национального стиля [3, с. 5]. Минимальные метафорические контексты представлены метафорическими бинарными словосочетаниями. В неминимальных метафорических контекстах реализуется развернутая метафора. Одни лингвисты связывают с ней реализацию нескольких образов, связанных ключевым словом, другие говорят об одном образе, созданном из ряда взаимно-связанных простых метафор [1, с. 33]. Контекстом рассматриваемых нами метафор-текстов является все художественное произведение в целом.

Так, метафорический перенос способен реализовываться в пределах единицы текста и всего художественного произведения. Одной из функций метафоры в художественном тексте является текстообразующая функция, заключающаяся в том, что метафора может формировать отрезок текста любой протяженности – от минимальной синтаксической конструкции метафорического бинарима до целого текста, границы которого совпадают с границами тропа. Как правило, такие тексты-тропы развертываются от представления в заголовке фокуса метафоры к его конкретизации через ряд предикатов в тексте. В данном случае можно говорить о собственно текстообразующей функции тропа, который предстает как структурная форма целого произведения.

Рассматриваемые нами примеры метафор-текстов имеют традиционную трехкомпонентную структуру, в которой выводится метафоризируемый компонент (фокус метафоры), метафоризирующий компонент (предикативная разверстка) и основание для сравнения.

В идиолекте Ф. Гарсия Лорки яркими примерами метафор-текстов являются некоторые стихотворения, выявленные при анализе сборника «*Poema del Cante Jondo*». Все они имеют сходную структуру: в заглавии выносится метафоризируемый компонент, который может повторяться непосредственно в тексте, в самом стихотворении осуществляется метафорический перенос по определенной модели, основание для сравнения преимущественно выводится имплицитно.

Так, в стихотворении «*Adivinanza de la guitarra*» в заглавии представлен фокус метафоры «la guitarra», который получает свое развитие на протяжении всего текста, реализуя метафорический перенос по модели «гитара – танцующие девушки».

ADIVINANZA DE LA GUITARRA
En la redonda
encrucijada,
seis doncellas
bailan.
Tres de carne
y tres de plata.
Los sueños de ayer las buscan,
pero las tiene abrazadas
un Polifemo de oro.

Приведем еще некоторые примеры метафор-стихотворений из анализируемого сборника. В стихотворении «*Chumbera*» разворачивается метафорический перенос «растение – скульптура», основанием для сравнения служит форма уподобляемых объектов.

CHUMBERA
Laocoonte salvaje.
¡Qué bien estás
bajo la media luna!
Múltiple pelotari.
¡Qué bien estás
amenazando al viento!
Dafne y Atis
saben de tu dolor.
Inexplicable.

Аналогично стихотворение «*Pita*» представляет собой метафорический перенос по модели «растение – животное», где общим признаком сравниваемых объектов также является их форма.

PITA
Pulpo petrificado.
Pones cintas cenicientas
al vientre de los montes
y muelas formidables
a los desfiladeros.
Pulpo petrificado.

Таким образом, в метафорах-текстах контекст метафорического переноса охватывает все произведение. В структуре метафоры-текста представлены метафоризируемый и метафоризирующий компоненты, которые соотносятся как заглавие и само произведение, основание для сравнения имплицитно. Такого рода метафоры выполняют собственно текстообразующую функцию, подчиняя все пространство текста, придавая ему смысловую целостность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дюжикова, Е.А. Метафора и сущность / Е.А. Дюжикова // Метафора в словосложении: сб. науч. тр. – Владивосток: Изд-во Дальнев, 1980. – С. 25 – 34.
2. Иванюк, Б.П. Метафора и литературное произведение / Б.П. Иванюк. – Черновцы: Рута, 1998. – 252 с.
3. Кураш, С.Б. Метафора и ее пределы: микроконтекст – текст – интертекст / С.Б. Кураш. – Мозырь: МГПИ, 2001. – 117 с.
4. Никитин, М.В. Лексическое значение слова / М.В. Никитин. – М.: Высшая школа, 1983. – 127 с.
5. Ревуцкий, О.И. Лингвистический анализ художественного текста / О.И. Ревуцкий. – Минск: НМЦентр, 1998. – 192 с.
6. Ревуцкий, О.И. Тексты-тропы: основы типологизации / О.И. Ревуцкий // Язык и текст: коммуникативно-прагматический аспект: сб. науч. тр. / Стерлитамак. гос. пед. акад.; отв. ред. А.Г. Судариков. – Стерлитамак, 2006. – С. 88 – 92.

Т.В. Символокова (Минск, МГЛУ)

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ СИМВОЛА И ТРОПОВ

В современной лингвистике по-прежнему дискуссионным остается вопрос о соотношении символа с языковыми тропами. Символ часто отождествляется с другими, смежными с ним категориями – оксюмороном, эмблемой, аллегорией, типом. Появление теории метафоро-метонимической основы человеческого мышления Р.О. Якобсона привело к рассмотрению символа как тропа, генетически восходящего к метафоре и связанного с ней родо-видовыми отношениями. Такова, по существу, точка зрения В.М. Жирмунского: «Символ есть частный вид метафоры – предмет или действие, взятые для обозначения душевных переживаний» [1, с. 180]. В несколько смягченном виде представлена позиция Н.А. Кожевниковой, согласно которой символ интерпретируется как «универсальный троп», сочетающийся с любым «набором» художественных средств и формирующий образную структуру тропа [2, с. 41 – 43]. С другой стороны, считая разграничение символа от тропа чрезвычайно тонким делом, А.Ф. Лосев все же отрицает возможность рассмотрения символа как его разновидности. Он утверждает, что символ «не есть метафора, не есть также метонимия и синекдоха, и вообще он не есть троп» [3, с. 156]. Этому же мнению придерживаются и некоторые другие современные исследователи (С.С. Аверинцев, Н.Д. Арутюнова, А.А. Романовская).